

ТАВРИЧЕСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ
МѢСЯЦЪ.

№ 11.

1 Іюня 1888 года.

Подписка
принимается
въ редакціи
Епарх. Вѣдом.
въ Симфероп.
Духовной
Семинаріи.

Цена
за годовое
изданіе съ
пересылкою
и безъ
пересылки
5 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО НАЧАЛЬСТВА.

а) Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Мартиніану, Епископу Таврическому и Симферопольскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12 Февраля 1888 г. за № 2265, о перечисленіи окладовъ жалованья священниковъ наиболее обезпеченныхъ приходовъ на причты бѣднѣйшихъ и зараженныхъ расколомъ приходовъ.

Приказали: Принимая во вниманіе, что неравномѣрность распредѣленія содержанія приходскихъ причтовъ, какъ усматривается изъ имѣющихся въ центральномъ Управленіи Святѣйшаго Синода свѣдѣній, встрѣчается въ разныхъ

епархіяхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ виду невозможности въ настоящее время испросить къ отпуску изъ казны сумму, необходимую на содержаніе причтовъ, не получающихъ такового изъ казны, предложить всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, циркулярными указами, войти въ разсмотрѣніе существующихъ средствъ обезпеченія церковныхъ причтовъ ввѣренныхъ имъ епархій, съ тѣмъ, что не окажется ли возможности съ причтовъ, достаточно обезпеченныхъ мѣстными средствами содержанія, постепенно переводить получаемое ими казенное жалованье, вполнѣ или въ извѣстной части, на причты другихъ, болѣе бѣдныхъ и, по преимуществу, зараженныхъ расколомъ приходовъ, и о такомъ распредѣленіи ассигнуемыхъ изъ казны суммъ представлять, согласно указу Святѣйшаго Синода, отъ 11 Декабря 1886 года за № 21 (п. 12), на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. Марта 31 дня 1888 года.

б) Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Мартиніану, Епископу Таврическому и Симферопольскому. — По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 22 Марта сего года за № 1149, о празднованіи 900 лѣтія крещенія Св. Равноапостольнаго князя Владиміра въ Херсонисскомъ монастырѣ по приложенной къ представленію программѣ, съ приглашеніемъ къ сему празднованію Преосвященныхъ ближайшихъ къ Таврической Епархіи, а равно и другихъ поименованныхъ въ программѣ лицъ.

Приказали: Рассмотрѣвъ представленную Вашимъ Преосвященствомъ программу празднованія 900 лѣтія крещенія св. Владиміра въ Херсонисскомъ монастырѣ, и не встрѣчая препятствій къ совершенію сего празднованія по представленной Вашимъ Преосвященствомъ программѣ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить означенное празднованіе съ тѣмъ однако, что изъ иноепархіальныхъ Преосвященныхъ могутъ быть приглашены для участія въ церковномъ торжествѣ только Епископы, въ епархіяхъ коихъ имѣются викаріи, причемъ предоставляются прибыть въ Херсонисъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ или ихъ викаріямъ, дабы въ епархіальныхъ городахъ, 15 Іюля, въ день всероссійскаго торжества, могло повсемѣстно состояться епархіерейское служеніе; что же касается до подвѣдомаго Таврическому Епархіальному Начальству духовенства, то для участія въ торжествѣ должны быть вызываемы священники только тѣхъ приходоѡ, въ коихъ имѣется два или болѣе священниковъ; о чемъ и дать знать Вашему Преосвященству указомъ, съ возвращеніемъ программы празднованія 900 лѣтія крещенія св. князя Владиміра въ Херсонисѣ Таврическомъ. Мая 18 дня 1888 года.

Отъ комитета по устройству празднованія 900-лѣтія со времени крещенія св. благовѣрнаго князя Владиміра въ Херсонисѣ Таврическомъ.

Комитетъ по устройству празднества 900-лѣтняго юбилея крещенія св. благовѣрнаго великаго князя Владиміра Равноапостольнаго доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія,

что 15 Юля сего 1888 года, въ день памяти св. князя Владиміра, съ благословенія Св. Синода, въ Херсонисскомъ монастырѣ, вблизи Севастополя, на мѣстѣ крещенія св. Владиміра, будетъ совершено церковное торжество въ память исполнившагося 900-лѣтія со времени крещенія св. князя Владиміра въ Херсонисѣ Таврическомъ.

Празднество будетъ раздѣлено на три дня, такъ что въ первый день, 13 числа, будетъ совершено освященіе нижняго храма св. Владиміра въ Херсонисѣ; во второй день, 14 числа, въ новосвященномъ храмѣ будетъ совершена заупокойная литургія и вселенская паннихида по всѣхъ усопшихъ праотцахъ, отцахъ и братіяхъ, великихъ князьяхъ и княгиняхъ, благочестивыхъ царяхъ и царицахъ, императорахъ и императрицахъ; о православныхъ россійскихъ патріархахъ, преосвященныхъ митрополитахъ, архіепископахъ и епископахъ; о православныхъ воинахъ на брани убіенныхъ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ. Вечеромъ того же дня и въ томъ же храмѣ будетъ совершено всенощное бдѣніе, при чемъ во время помазанія освященнымъ елеемъ будутъ раздаваться богомольцамъ маленькія бронзовыя изображенія св. Владиміра. 15 Юля, по прибытіи крестнаго хода въ Херсонисскій монастырь, въ херсонисскихъ храмахъ будутъ совершены три литургіи Архіерейскія въ церквахъ: домовою, седми Священномучениковъ въ нынѣшнемъ монастырскомъ храмѣ и въ новоустроенномъ нижнемъ храмѣ большаго Собора.

Самое торжество будетъ расположено въ такомъ порядкѣ, въ какомъ оно и теперь совершается, по Высо-

чайше утвержденному церемониалу, а именно: крестный ходъ изъ Севастопольскаго Владимірскаго собора, если онъ будетъ освященъ, или — по прежнему — изъ Адмиралтейскаго Николаевскаго собора, начаться долженъ въ 7 часовъ утра, съ участіемъ одного изъ Преосвященныхъ. Въ это время однимъ изъ Преосвященныхъ будетъ отправляемъ молебенъ съ водоосвященіемъ въ новоосвященномъ нижнемъ храмѣ надъ купелію св. Владиміра и крестный ходъ вокругъ монастыря. По прибытіи процессіи изъ города къ монастырю, крестный ходъ будетъ встрѣченъ оставшимися здѣсь Преосвященными, которые затѣмъ разойдутся во всѣ три храма для совершенія Литургій съ назначеннымъ для каждаго храма духовенствомъ, а по окончаніи Литургій опять сойдутся въ нижнемъ храмѣ для общаго молебна на площади, послѣ котораго знамена и участвовавшія въ процессіи войска будутъ окроплены Святой водою.

III. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Журнальными постановленіями Таврическаго Губернскаго Правленія, состоявшимися 11 и 14 Апрѣля настоящаго года, утверждены предположенія Губернскаго Землемѣра о раскомандированіи межевыхъ чиновъ чертежной на полевые работы лѣтомъ этого года, подробности каковаго распредѣленія напечатаны въ Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 44.

Поставляя объ этомъ въ извѣстность Консисторіи, Губернское Правленіе отношеніемъ, отъ 5 Мая за № 645,

просить оную сдѣлать распоряженіе объ оказаніи подвѣдомственными ей мѣстами и лицами всевозможнаго содѣйствія къ исполненію законныхъ требованій командированныхъ межевыхъ чиновъ по отношенію къ межевымъ дѣламъ, равно и о заблаговременномъ командированіи депутатовъ на основаніи 71, 387 и 376 ст. Меж. Зак.

Таврическая духовная Консисторія, по выслушаніи приведеннаго отношенія, постановила: о вышеизложенномъ дать знать духовенству Таврической епархіи чрезъ Епархіальныя Вѣдомости для свѣдѣнія и исполненія.

IV.

Отъ Правленія Таврической духовной Семинаріи.

Въ виду предстоящихъ въ будущемъ 1889 г. усиленныхъ ремонтныхъ работъ въ Семинаріи, Правленіе Семинаріи, съ утвержденія Его Преосвященства, проситъ десятковые благочинническіе сѣзды Таврическаго духовенства обсудить вопросъ объ отпускѣ по дополнительной смѣтѣ въ распоряженіе Правленія Семинаріи 510 р. 92 коп. на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ по ремонту Семинарскихъ зданій, въ томъ числѣ на покраску желѣзной крыши, не красившейся съ 1884 г. 425 р. и пересмотръ черепичныхъ крышъ на службахъ, съ покупкой матеріала, не исправлявшихся съ 1884 г.—75 р. и на покрытіе другихъ расходовъ, по ремонту половъ въ кухнѣ и другихъ помѣщеніяхъ—10 р. 92 коп.

Ректоръ Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Отъ Таврическаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Между хранищимися въ кассѣ Попечительства процентными бумагами опекунской части имѣются 5% внутреннихъ съ выигрышами займовъ билеты, которые, въ предупрежденіе выхода въ тиражъ, подлежатъ страхованію въ банкирскихъ конторахъ. Страхованіе такихъ билетовъ до настоящаго времени производилось Попечительствомъ, но при этомъ встрѣчались нерѣдко затрудненія по неимѣнію въ наличности опекунскихъ денегъ и, кромѣ того, бывали случаи, когда одни и тѣже билеты страховались одновременно Попечительствомъ и опекунами. Во избѣжаніе повторенія этого въ будущемъ, Попечительство, согласно резолюціи Его Преосвященства отъ 20 Мая 1888 года за № 1721, поставляетъ въ обязанность страховать вышеозначенные билеты тѣмъ опекунамъ или попечителямъ, въ опекуемомъ имуществѣ коихъ они числятся по описямъ, подъ отвѣтственностію ихъ, за неисполненіе сего, по 230 ст. I ч. X т. гражд. закон. изд. 1884 года.

Попечитель Протоіерей *Алексій Назаревскій.*

VI. ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Настоятель Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, Архимандритъ Ювеналій, по старости и болѣзни, уволенъ на покой. Настоятелемъ же Балаклавскаго монастыря назначенъ настоятель Космодамиановской киновіи, Гермомахъ Іоаннь, съ возведеніемъ въ санъ Игумена.

Управляющимъ Космодіановскою киновією назначень Іеромонахъ Бахчисарайскаго Успенскаго скита Павель.

Кандидатъ Богословія Московской Духовной Академіи Андрей Одинцевъ рукоположень во священника къ Троицкой церкви селенія Берестоваго, Бердянскаго уѣзда.

Воспитанникъ Тульской Духовной Семинаріи Петръ Ильинскій рукоположень во священника къ Николаевской церкви селенія Зуи, Симферопольскаго уѣзда.

Священникъ Успенской церкви селенія Балокъ, Мелитопольскаго уѣзда, Михаилъ Бычковскій и псаломщикъ Преображенской церкви селенія Большой Бѣлозерки, того же уѣзда, Флоръ Филиповъ за смертію исключены изъ списковъ.

Псаломщикъ Θεодоро-Стратилатовской церкви м. Алушты, Ялтинскаго уѣзда, Антоній Черняевъ уволенъ изъ Епархіальнаго вѣдомства.

Священническій сынъ Павель Зеведѣевъ опредѣленъ на псаломщицкую вакансію къ Алуштинской Θεодоро-Стратилатовской церкви.

Состоящій въ запасѣ арміи причетническій сынъ, Алексѣй Блантовскій опредѣленъ на псаломщицкую вакансію къ Преображенской церкви селенія Большой Бѣлозерки, Мелитопольскаго уѣзда.

Причетническій сынъ Григорій Тимаревскій опредѣленъ въ число послушниковъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря.

Съѣздъ депутатовъ отъ духовенства Таврической епархіи назначенъ на 20 Августа текущаго года.

Протоіерей Керченскаго Троицкаго собора Іоаннъ Сербиновъ Всемилостивѣйше сопричисленъ въ ордену Св. Анны 2 степени.

Священники: Николаевской церкви селенія Малой Знаменки, Мелитовольскаго уѣзда, Димитрій Вахвицкій и Николаевской церкви селенія Волянаго, того же уѣзда, Михаилъ Чехрановъ награждены набедренниками.

Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Николаевской церкви селенія Второниколаевки, Бердянскаго уѣзда, на первое трехлѣтіе, поселянинъ Димитрій Запорожнѣ; къ Иоанно-Богословской церкви селенія Ново-Григорьевки, Мелитопольскаго уѣзда, на первое трехлѣтіе, крестьянинъ Иванъ Посошковъ.

Праздныя мѣста: Священническія: при Иоанно-Богословской церкви селенія Ново-Алексѣевки, Днѣпровскаго уѣзда; діаконскія: при Архангело-Михайловскихъ церквахъ селеній Рубановки и Днѣпровки, Мелитопольскаго уѣзда; псаломщицкія: при церквахъ селеній Перво-Приморскаго и Ново-Алексѣевки, Днѣпровскаго уѣзда.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

ТАВРИЧЕСКИХЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 11

1 Юня 1888 года.

№ 11

Значеніе религіи Христовой въ жизни человѣка и человѣчества. *)

М. м. Г. г.!

Приступая къ изложенію и раскрытію вопроса, близкаго брашнаго мною для того, чтобы занять Ваше вниманіе — вопросу о значеніи религіи Христовой или вѣры во Христа въ жизни человѣка, я считаю необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о важности и необходимости въ жизни человѣка вѣры. А вообще, кто укажетъ намъ хотя одну область человѣческаго вѣдѣнія — область, разумную, положительную и точную — такую область, въ которой не требовалась бы нота человѣка вѣра? Справедливо сказалъ одинъ изъ современныхъ намъ богослововъ нашихъ, что безъ вѣры человѣкъ не можетъ даже научиться грамотѣ. Ибо, если онъ не повѣритъ всецѣло учителю, что *а* есть *а*, *а б* есть *б* и проч., то не будетъ и знать ни одной буквы... Следовательно, ни въ одной, даже самой ничтожной области мысли обойтись безъ вѣры невоз-

*) Публичное чтеніе 13-го Апрѣля 1888 года въ Тавр. Дух. Семинаріи.

можно. А потому названіе невѣрующаго, такъ обычное, къ сожалѣнію въ наше время, по нашему мнѣнію не должно и существовать въ языкѣ, какъ положительно не точное. Это несомнѣнно есть вѣрующій и искренно вѣрующій человѣкъ; но вѣрующій не въ то, во что должно вѣровать человѣку. Безъ вѣры же, повторяемъ, жить человѣку невозможно. И выработавшійся во все время, а особенно сложившійся въ послѣднее время какой-то странный типъ существа къ сожалѣнію разумнаго, хотя и заклеивенный еще у псалмопѣвца названіемъ безумнаго — типъ существа, которое въ буести своей отвергаетъ бытіе Бога, бытіе души своей. Этотъ странный типъ безъ сомнѣнія долженъ вѣровать въ эту безумную химеру свою; ибо пониманіе этого, убѣжденія въ этомъ, доказательствъ этого нигдѣ нѣтъ и никогда быть не можетъ. Но даже и помимо этихъ высокихъ, выше естества существующихъ вопросовъ о бытіи Бога и души, — куда бы ни обратились мы, область того, что волюнѣ понимаетъ человекъ, весьма и весьма не велика, весьма и весьма ограничена.

Начиная отъ ничтожной снѣжинки, которая, замерзая, неизвѣстно почему слагается въ неизмѣнную форму математически правильнѣйшей шестиугольной звѣздочки, переходя затѣмъ къ неизмѣнному закону химическихъ явленій, по которому вещества соединяются другъ съ другомъ опять таки въ математически строжайше опредѣленныхъ доляхъ и пропорціяхъ, и кончая также неизмѣнными, математически правильнѣйшими формами орбитъ, по которымъ въ безконечной пространственной безднѣ носятся отъ вѣка

неуклонно шарообразныя громады планетъ, превышающія, по словамъ науки, размѣрами всякое воображеніе, — мы въ каждой пылинкѣ наполняющей вселенную, въ каждомъ атомѣ мірозданія встрѣтимъ цѣлую бездну задаваемыхъ уму нашему вопросовъ, среди которой теряется самая бойкая мысль, тонетъ и изнемогаетъ самая смѣлая фантазія. Вопросы: почему это? отчего это? для чего это? преслѣдовали и преслѣдуютъ, и будутъ преслѣдовать человека на всѣхъ ступеняхъ его развитія, во всѣхъ формахъ его доисторическаго и историческаго существованія. Пылкій поэтъ называлъ эти вопросы проклятыми; хладнокровный философъ считалъ ихъ излюбленными; современный такъ называемый практическій или реальный умъ совершенно отмахивается отъ ихъ назойливой тучи и съ кажущеюся гордостью, а на самомъ дѣлѣ въ безсиліи своемъ, говоритъ, что ему нѣтъ дѣла до причинъ и цѣлей, что онъ работаетъ только надъ тѣмъ, что видно, слышно, осязаемо, т. е. — надъ явленіями, совершенно забывая, что знаніе однихъ явленій, безъ размысленія надъ ихъ причинами и цѣлями, есть ребячье знаніе, есть жалкая спѣсь слѣпца, не желающаго сознаться въ томъ, что онъ ничего не видитъ...

А между тѣмъ, при всей этой безосновательной гордости, и при всемъ презрительномъ отношеніи современнаго ума къ сверхчувственному — съ какою болѣзненной жаждой, не желая только сознаться въ этой жаждѣ, стремится человечество рѣшить всѣ эти вопросы; какая радость бываетъ, какой поднимается шумъ торжества, когда получится извѣстіе, что кто либо и гдѣ либо началъ хотя

на слѣдъ рѣшенія самаго мелкаго изъ вопросовъ о причинахъ!... Но нѣтъ конца имъ; нѣтъ и не будетъ рѣшенія! По мѣрѣ развитія человѣчества, по мѣрѣ возрастающей быстроты его умственного взора, все шире и шире разверзается предъ нимъ эта необъятная, необъяснимая бездна бытія, все безчисленнѣе становится эта массово-просовъ и надъ головою, и подъ ногами его. Проходятъ вѣка, смѣняются поколѣнія; каждое поколѣніе, считая себя просвѣщеннѣйшимъ, обзываетъ предковъ невѣждами; простой, видящій на версты, глазъ человѣка вооружается инструментами, сила зрѣнія которыхъ обозначается цѣлыми строками цифръ печатной въ листъ страницы, онъ такъ что и цифры то эти отказывается понять всякая мысль, такъ что и въ цифры то эти увѣровать нужно; — а все надъ телескопомъ стоитъ все та же «бездна звѣздъ полна, звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ — дна», какая всегда была и поды микроскопомъ лежитъ все же та бездна, чуды полна, числа нѣтъ чудамъ, безднѣ — дна. И всегда хитро вѣздѣ вѣровалъ человѣкъ!... Вѣровалъ потому, что необъятна была и есть область непостижимаго, и ничтожна область понимаемаго. Вѣровалъ когда-то человѣкъ, а что земля стоитъ, а солнце вращается; сталъ вѣровать потомъ, что солнце стоитъ, а земля вращается; вѣруетъ теперь, что все вращается, что матерія безначальна и безконечна, что она сама себя производитъ, сама себя разрушаетъ, и исходитъ изъ себя, и къ себѣ возвращается. Вѣровать сталъ (настоячиво повторяемъ это слово), вѣровать сталъ человѣкъ тому, что солнце горитъ, и что горятъ въ немъ магній, кремній, кальцій, иридій и прочіи прочіи, что

сгорят они и потухнутъ, но что случится де это черезъ миллионы годовъ, т. е. въ то время, когда истлѣютъ уже и самыя слова эти, будь они оттиснуты на платиновой доскѣ, толщиной отъ земли до солнца и когда, слѣдовательно, невозможно даже будетъ сказать: глалъ или нѣтъ этотъ человекъ, — солга или нѣтъ неправда себѣ!

И думаешь себѣ: Боже великій! какая идетъ на землѣ горькая путаница мнѣній, какое царитъ во ужасѣ приводящее безсиліе, соединенное съ жалкою гордостью! Вѣруеть во все человекъ, кромѣ того, во что слѣдуетъ вѣровать! Идетъ изслѣдованіе природы, стремленіе разоблачить, если можно, всѣ тайны ея, но помышляется только о томъ, чтобы какъ можно болѣе извлечь пользы, пользы и пользы исключительно въ грубо чувственномъ смыслѣ — эксплуатировать природу, какъ любятъ выражаться въ последнее время — никогда не возвышаясь въ область великихъ вопросовъ, вопросовъ высшей вѣры, вопросовъ премірныхъ, божественныхъ, возвышающихъ душу, а не погружающихъ ее вездѣ и всюду, какъ видимъ, въ грязную тину личныхъ выгодъ, страстей и интересовъ. Почему теперь именно, при своихъ громадныхъ средствахъ созерцанія и изслѣдованія тайнъ природы, готовъ человекъ вѣровать во все, кромѣ силы и промысла Бога, и, при столь высокомъ развитіи вѣры въ свой разумъ, не желаетъ онъ вѣровать въ то, что неразумное не можетъ произвести разумнаго, неподвижное — движенія, бездушное — одушевленнаго? Не очевидно ли этому разуму, что въ расплавленной стеклянкѣ подъ руками ученаго химика, разлагающаго и соединяющаго всѣ части яйца куриного, взвѣсивая и

измѣряя и изучая ихъ до послѣдней ихъ капельки, усни-
когда не воспринять неизъяснимо милостивый желтенькій
птенчикъ пернатого, не постучить онъ слабымъ клюви-
комъ въ стѣнку стеклянную, требуя пищи себѣ. О тай-
на жизни великая! Почему эти чудныя силы, эти дивныя
планы, этотъ порядокъ, эта божественная цѣлесообразность
творенія и въ цѣломъ и въ мельчайшихъ частностяхъ,
— цѣлесообразность, невысказанная безъ участія высочай-
шаго, недомыслимаго Разума, равнодушно обходится мело-
вѣкомъ, не влечетъ къ себѣ всѣхъ силъ его духа? Какъ
великъ, какъ прекрасенъ, какъ счастливъ былъ бы этотъ
духъ человѣка, еслибы, познавая созданіе, убѣждался онъ,
что идетъ къ Богу все создавшему, всѣмъ правящему, все
уясняющему; еслибы, умирая, могъ сознать человѣкъ,
что чѣмъ ученѣе и образованнѣе былъ онъ, тѣмъ ближе
стоялъ онъ къ Первообразу своего разума, Богу, и тѣмъ
сладостивѣе для него, перешагнувши смертию предѣлы про-
странства и времени, стать лицомъ къ лицу въсь безпре-
дѣльною и безконечною истиной!

Но, вѣруя во все, вездѣ и всюду вѣруя, не желаетъ
только въ это увѣрять человѣкъ!

А между тѣмъ эта цѣлесообразность явленій, этотъ
разумъ безконечный такъ ясно, такъ осязательно видится
всюду въ мірѣ, что даже чудо, упорно отвергаемое совре-
меннымъ человѣкомъ, стоитъ предъ его глазами. Пусть
не вѣритъ человѣкъ въ то, что огонь обузданный рукою
Всемогущаго, можетъ не опалить; но пусть признастъ
онъ очевидность того, что морозъ, жууправляемый Вѣдннми

Разумомъ Творца можетъ не заморозить. Не чудесно ли то, что всеобщій и неразумный законъ сжиманія вѣтъ при пониженіи температуры, дѣйствуя на воду, производитъ какъ разъ обратное явленіе и затѣ известнымъ градусомъ холода начинаетъ расширять ея. Почему это? Потому, несомнѣнно, что именно здѣсь этотъ законъ, механическій всюду, сталъ вдругъ разуменъ: онъ долженъ сохранить жизнь мириадъ творей, населяющихъ глубины водныя, и здѣсь повелѣно ему дѣйствовать не такъ, какъ онъ вездѣ дѣйствуетъ...

Камо же пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣгу? Аще вселюся въ послѣднихъ моря — и тамо рука Твоя!

И каждое явленіе въ мірѣ, отъ великаго до малаго, совершаясь по механическимъ законамъ, всегда совершается именно такъ, какъ нужно по смыслу и разуму его бытія, и даже такъ, что разумиѣ того, какъ оно совершается, уже невозможно придумать. Въ воздухѣ носится масса воды, бессмысленной и бездушнѣ; но носится въ такомъ видѣ, какой именно нуженъ для того, чтобы носиться, и, будучи предназначена къ созданію жизни на землѣ, низвергается на эту землю именно въ такомъ видѣ, въ какомъ нужно ей низвергаться для того, чтобы не губить, а благодѣтельствовать, чтобы увлажить землю, а не смыть съ лица ея все существующее. Падаютъ именно нѣжныя капли дождя, подъ которыми ребенокъ съ охотой и радостью подставляетъ головку свою, не ужасаясь и плача, а наслаждаясь и играючи...

Даже замерзая въ воздухѣ и твердѣя, слетаетъ къ намъ эта масса водная нѣжнѣйшими пушинками снѣга, опять таки именно въ такомъ уже видѣ, разумнѣе котораго и придумать невозможно — слетаетъ для того, чтобы не гибель причинить своею хладностью и твердостью, а напротивъ прикрыть и сохранить низшую органическую жизнь отъ губельнаго дѣйствія низкой температуры. Не чудо ли видимъ здѣсь, въ этой картинѣ зимней природы? Не чудо ли, могущее явиться лишь подъ дѣйствіемъ Разума всемогущаго и ведомыслимаго? Нѣчто твердое является пухомъ, висящимъ на стеблѣ травы; нѣчто холодное служить защитою отъ холода!

И только изрѣдка эта воздушная масса влаги, свергаясь бурнымъ истребляющимъ градомъ, какъ бы гласитъ шумомъ своимъ: береги, человѣкъ, гордое знаніями чело свое, и познай, что было бы съ тобою, еслибы эту бессмысленную, неизмѣримой тяжести массу воды, яже подъ твердію, не видоизмѣнялъ вѣчный Разумъ, и она сверглась бы на тебя всегда въ видѣ града, въ этомъ ужасающемъ, біющемъ и разрушительномъ видѣ! Молись же этой вѣчной, разумной Силѣ, видоизмѣняющей воду, «о еже избавити насъ отъ града и потопа!»

Но тамъ, въ этой неизмѣримой вышинѣ, не одна вода; тамъ есть даже камни ужасныхъ размѣровъ. Они вращаются тамъ въ необъятныхъ сферахъ; они летятъ оттуда. . Это частицы такъ называемой космической матеріи, говоритъ наука. Сама собою возникла она, эта матерія; сама собою и разрушается... Это обломки планетъ, без-

смысленно возникшихъ, и разрушившихся, и разлетающихся въ пространствѣ... И такъ, по словамъ науки, ни въ этой космической пыли, ни въ этихъ планетахъ, возникшихъ и погибшихъ — ни цѣли, ни смысла?... Вѣруй же въ это, мудрый астрономъ, вѣруй въ это; ибо вѣровать во что либо нужно, если не хочешь вѣровать въ божественное, вѣчное, разумное! Вѣруй! Ибо никакая наука не можетъ вознестись туда, въ недосыгаемую даже для пониманія область этой космической матеріи, не можетъ захватить оттуда горсть ея и узнать доподлинно, откуда сна!... Вѣруй же въ это, мудрый астрономъ; но береги гордое знаніями чело свое: летитъ аэролитъ изъ неизмѣримой міровой бездны, и нѣтъ у тебя столькихъ цифръ, чтобы вычислить быстроту его полета и его тяжесть, увеличившуюся отъ этой быстроты, возрастающей квадратами пройденнаго разстоянія! Что будетъ съ тобою, если онъ всею своею силой ударитъ въ тебя и въ инструменты твоихъ изслѣдованій?... Но — успокойся: на версты только не долетая до тебя (именно только на версты, прошедши невообразимую бездну пространства!) онъ, этотъ космическій камень, безмысленно, по твоему, летящій, раскалился, расплавился, даже превратился въ паръ и расплылся въ воздухѣ, и ты любишься только его блестящимъ слѣдомъ на небѣ: какой, говоришь, красивый метеоръ пролетѣлъ! Это уничтоженіе его произошло отъ ужасной быстроты его движенія... Такъ говоритъ наука. Вѣримъ тому; но убѣждены при этомъ, что именно такъ нужно быть тому; что разумная сила Творца, направляющая полетъ этого камня, *не хочетъ* сдѣлать того, что

можетъ сдѣлать матерія въ томъ случаѣ, еслибы ея ходъ и движеніе были дѣйствительно безмысленны и не управляемы.

Но вотъ и упалъ одинъ. Онъ былъ такъ громаденъ, что не сгорѣлъ, не уничтожился, не смотря на быстроту движенія и съ страшною силой врѣзался онъ на цѣлыя сажени въ крѣпкую грудь земную. На десятки верстъ вздрогнула земля отъ этого колоссальнаго удара; и задымилась она отъ страшной температуры дивнаго гостя... Рѣдчайшее явленіе, говоритъ наука. Слава Богу за это, говоритъ вѣра. Откопай его, мужъ науки! Храни его въ музеяхъ твоихъ, какъ свидѣтельство того, что будетъ съ тобою, если восхоцетъ Господь одождити ваменіе съ небесе!...

И еслибы стать теперь перечислять всѣ тайны, съ какими встрѣчается человѣкъ, изучая міръ и въ общемъ, и въ частныхъ мельчайшихъ областяхъ его, еслибы, развернувши цѣлые томы научныхъ трактатовъ, которые даже въ настоящее время, время высокаго развитія человечества, состоятъ, строго говоря, изъ одной ясно сознаваемой истины и повторяющейся всюду фразы: это явленіе еще не изслѣдовано, въ этой области еще ожидаютъ разъясненія и проч; еслибы стать припоминать, сколько почти на нашей уже памяти смѣнилось, напр., теорій, трактующихъ о причинахъ, примѣрно, эпидемій, то мы не кончили бы никогда, разсматривая различныя догадки и измышленія; устали бы, прислушиваясь къ смѣняющимъ другъ друга теоріямъ, къ различнымъ открываемымъ вновь и изучаемымъ организмамъ, цѣль жизни которыхъ остается единая безмысленная: повально убивать человѣка при всеоружіи

его науки. И изученіе ихъ никогда не выяснило бы намъ истинныхъ причинъ дѣла. И каждый разъ станетъ вступикъ наука предъ этими микробами и бактеріями, предъ этими «занятыми» въ міровой книгѣ, не желая, къ сожалѣнію, признать въ явленіяхъ міра карающую или милующую его руку Божию!...

Поэтому, оставивши въ сторонѣ всѣ другія тайны, задаваемые природою, тайны частныхъ и специальныхъ областей ея, оставимъ специалистовъ доискиваться раскрытія этихъ таинъ, напередъ сказавши имъ съ полною, выходящею изъ св. вѣры нашей убѣжденностью, что никогда не найдутъ они возможности раскрыть эти тайны и рѣшить эти вопросы, если будутъ рѣшать ихъ въ области религіи Христовой; если не обратятъ лицо науки, этой любезной дочери вѣры, къ ея великой матери.

Мы же остановимся на одной тайнѣ, безусловно требующей вѣры Богомъ открытой, Спасителемъ нашимъ проповѣданной. Безъ этой вѣры остается она тайною таинъ, ужасною, непроницаемой тайною..

Можно буесловить относительно происхожденія нашего; можно, пожалуй, употребляя во зло даръ Божій — остроту ума своего, а еще болѣе — пылкость воображенія, создать цѣлую теорію (теперь, впрочемъ, потерявшую свое обаяніе) о произхожденіи видовъ и въ буести своей счесть человѣка тоже естественнымъ безмысленнымъ продуктомъ различныхъ перерожденій, — все измыслить можно, благо Творецъ не положилъ намъ въ міръ механическаго предѣла нашихъ измышленій... Но цѣль бытія нашего и конецъ

этого бытія — вотъ задача, передъ которою становится вступитъ всякое наше остроуміе. И только религія Христа, только она одна въ состояніи объяснить, осмыслить и даже сдѣлать безконечно великою эту цѣль нашего бытія и освѣтить этотъ конецъ нашъ. А вѣдь ея никакія силы наукъ не раскроютъ намъ этой конечной нашей цѣли, и неотразимо возстанетъ передъ нами никакою фантазіей неизобразимый ужасъ и вся горькая жалость нашего существованія. Съ несомнѣнностью можно сказать, что если поразмыслимъ надъ тѣмъ, какъ развивается въ наше время какая-то роковая, ужасающая эпидемія самоубійствъ, доходящая, можно сказать, до непрерывнаго гула выстрѣловъ, направленныхъ собственной рукою чловѣка въ високъ себѣ, — если проникнемъ мы грустною думой своею въ душу этихъ несчастныхъ братьевъ и дѣтей нашихъ, убивающихъ себя собственной рукою, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ увидимъ тамъ безысходную тоску духа, который, въ неизбежныхъ страданьяхъ земныхъ, лишенъ сладкихъ утѣшеній религіи; ибо наше время только ставитъ вопросы, но не даетъ имъ рѣшенія... И кичится своимъ мнимымъ величіемъ это время наше, якобы рѣшившее всѣ вопросы. А между тѣмъ не смотря на страшное давленіе этого духа лестча, стремящагося въ наше время подавать въ чловѣкѣ всю его духовность, отворотить его вниманіе отъ непреложнѣйшаго слова, что не о хлѣбѣ единомъ долженъ онъ хлопотать въ жизни, мыслящій духъ чловѣка неотразимо волнуется и мятется и тоскуеть предъ страшными тревожными, неотразимыми вопросами: какая цѣль и какой смыслъ жизни?

Неужели же эта сила, страшная сила ума, измыслившая всю высоту науки, несущая на паровыхъ громадахъ свое собственное тѣло чрезъ тысячеверстныя пространства, обгоняя хищную птицу, сила, передающая на тысячи же верстъ неслышимый шепотъ устъ своихъ, стремящаяся проникнуть въ тайны неба и земли — неужели эта сила существуетъ и дѣйствуетъ для того только, и единственно для того, чтобы, заключившись въ разрушимое тѣло, вмѣстѣ съ нимъ постепенно слабѣть и гаснуть и, съ ужасомъ сознавая это свое ослабленіе и угасаніе, и истощеніе, превратиться въ концѣ концовъ въ ужасающую и вѣчную массу химическихъ продуктовъ, отъ которой съ угнетающимъ ужасомъ отвернутся и убѣгутъ самыя искреннія, единою жизнью жившія съ тобою существа? Вотъ гдѣ тайна изъ тайнъ, предъ которою блѣднѣютъ всѣ другія тайны въ мірѣ .. Кто же разъяснить человѣку, хотя часть тайны этой? Кто откроетъ ему хотя край этой завѣсы, непроницаемо покрывающей, безъ религій, конецъ и смыслъ самаго разумнаго земного существованія? Во всемъ окружающемъ человѣка видится упорное, неотвратимое достиженіе цѣли бытія каждою ничтожною былинкой: оставьте безъ вашего вмѣшательства все существующее, отъ точно живущаго гриба, до тысячелѣтняго кедра ливанскаго, и все это достигнетъ самой глубины пѣлей, для которыхъ предназначено, отбудетъ свою очередь такъ, что болѣе ничего нельзя уже отъ него требовать. Даже когда вмѣшается въ жизнь природы властная рука человѣка, и нарушить ходъ бытія тварей, то и въ этихъ нарушеніяхъ является смыслъ и цѣли: животное и содержу, и убиваю я для

того, чтобы воспользоваться его превосходными свойствами для моего процвѣтанія; цѣль есть... Бездушное дерево срубаю и изсушаю я для моихъ удобствъ; цѣль есть... И помимо меня, и въ общемъ и въ частностяхъ, въ бытіи міра, какъ сказалъ знаменитѣйшій изъ святителей нашихъ, нѣтъ прошедшаго, которое не приготовляло бы къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; рѣки погребаются въ морѣ и воскресаютъ въ парахъ и источникахъ; цѣлый міръ земныхъ существованій умираетъ осенью, а весной воскресаетъ: умираетъ и разлагается въ землѣ сѣмя — воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь — воскресаетъ крылатая бабочка. Человѣкъ ли, все это изучающій и осмысливающій, живетъ для того только, чтобы пасть безъ возстанія, уничтожиться съ горькимъ сознаніемъ того, что жилъ безъ цѣли и смысла, а умеръ съ единственнымъ назначеніемъ — удобрить собою почву для тѣхъ самыхъ возрастаній, которыя при жизни были слѣпными и изменными орудіями твоей же воли?...

Кій же составъ мой? Кое чаяніе бытія моего? Вотъ вопросы безконечно болѣе интересные и приковывающіе къ себѣ, нежели весь міръ съ его тайнами? И на нихъ ты, на эти вопросы, т. е. на себя и свои высшія причины, задачи и цѣли, махнулъ человѣкъ горделиво-безсильной рукою!

И вотъ, отсюда то и открывается и яснѣетъ великое значеніе религіи Христа, безъ поддержки которой жизнь человѣка безотраднa и томительна, въ виду своей ужасной безцѣльности и бессмысленности конца своего. И вотъ, здѣсь то, словно лучезарный свѣточъ-пламенникъ, то го

рять предъ человѣкомъ въ темнотѣ бытія его, непреложно начертанныя слова великія: Живу Азь и вы живи будете! Эти слова возгласилъ Сынъ Божій, сошедшій съ неба для того, чтобы сказать человѣку, между прочимъ, этотъ великій завѣтъ, это подъемяющее, восторгающее обѣтованіе! И эти то слова, и только они одни могутъ осмыслить и наполнить глубочайшимъ содержаніемъ земную жизнь человѣка. Вѣровать во Христа, жить для того, чтобы отразить и въ себѣ и въ окружающемъ великіе завѣты Христовы, возвыситься надъ землею и земнымъ до такой степени, чтобы по возможности возвратить себѣ первое состояніе — вѣнецъ существа, умаленнаго малымъ чѣмъ-то въ сравненіи съ Ангелами — вотъ задача, одно представленіе о которой способно наполнить счастіемъ душу человѣка.

Итакъ, пусть будетъ человѣкъ гениаленъ; пусть его способностямъ удивляется міръ; пусть имя его, какъ свѣтила науки или искусства гремитъ и прославляется устно и печатно отъ Востока до Запада. Пусть даже онъ (допустимъ невозможное) собственными силами выработаетъ въ жизни своей и въ личности своей только добро человѣческое. Безъ религіи Христовой, безъ этой убѣжденности въ будущемъ бытіи, превышающемъ всякій умъ и всякую ученость; въ бытіи, которому на землѣ полагается только начало, онъ будетъ только умнѣйшимъ животнымъ и по существу несчастнѣе и ничтожнѣе всякаго животного. Животное не развивается, ибо не можетъ развиваться; животное ни во что не вѣритъ, ибо не можетъ вѣрить; а онъ и будетъ развиваться лишь для того, чтобы сознать свое не-

счастье, несчастіе бытія безъ цѣли, дѣйствій и страдаій безъ смысла, безъ вознагражденія; и будетъ вѣрить во все: и въ силу ума своего, и въ непреложность изслѣдованій своихъ, и въ истинность добра своего. Но придутъ дни, когда все земное, во что такъ вѣровалъ человѣкъ, страшно обманетъ человѣка; когда, сознаетъ онъ, руководимый исторіей, что самыя непреложныя, повидимому, изысканія рискуютъ уступить мѣсто другимъ и даже быть осмѣянными черезъ десятки годовъ; что добро, созданное лишь на основаніи человѣческихъ взглядовъ, можетъ страшнымъ зломъ обзавестись; что — однимъ словомъ — исчезоша въ суетѣ дніе его и все, чѣмъ руководился онъ въ жизни, окажется призракомъ, не удовлетворяющимъ высшему началу его природы, не наполняющимъ пустоты души, которая тѣмъ сильнѣе, заявляетъ свое безсмертіе, чѣмъ ближе видится и сознается грядущее уничтоженіе тѣла.

Пусть другой человѣкъ изумляетъ насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, силою своей воли; пусть предъ этою силою воли сторонятся и преклоняются всѣ слабые и теряющіеся въ случайностяхъ жизни. Ему почетъ и уваженіе; онъ, какъ гигантскій дубъ несокрушимый, выситъ среди слабыхъ прозябеній, способныхъ сломиться подъ напоромъ вѣтра. Но безъ религіи Христовой, безъ убѣжденія въ бытіе высшей Воли, ведущей и направляющей въ благимъ цѣлямъ жизнь человѣка и человѣчества, и этотъ гордый колоссъ земной будетъ ничтожнѣе червя, предъ конечною дверью бытія своего, которую отворить, въ которую заглянуть не въ силахъ никакая человѣческая воля. Разсмотримъ и увидимъ это. Но кого еще возьмемъ въ примѣръ

мы? При всѣхъ вышеуказанныхъ, такъ называемыхъ великихъ свойствахъ чловѣка, возьмемъ еще послѣднюю, современную намъ, всевластвующую силу земную...

Богатство! Какое магическое слово это, особенно въ тотъ вѣкъ, въ который всѣ изслѣдованія неба и земли, исторіи и современной жизни, будучи лишены своего истиннаго смысла, — познанія и признанія Бога въ дѣлахъ его — направляются лишь къ любимой эксплуатаціи земныхъ сокровищъ; когда изъ недосыгаемыхъ глубинъ земли и съ необъятныхъ широтъ и высотъ воздушныхъ — отовсюду притянуты ужасающія громады ужасающихъ силъ естества — притянуты, втиснуты въ цилиндры и колеса машинъ,estroгають, жуютъ, грохочутъ, мчатся, унося чловѣка все въ одну сторону — въ сторону быстрого обогащенія, въ сторону личнаго благоденствія, крайняго внутренняго разобщенія людей, при изумительной легкости внѣшнихъ сношеній... Какое магическое это слово!.. Какъ заманчиво звучать въ ушахъ и сердцахъ слова поэта, вложенныя имъ въ уста владѣльцу золота:

Мнѣ все подвластно; я же — ничему!

Что не подвластно мнѣ? И захочу —

Воздвигнутся чертоги;

Въ великолѣпные мои сады

Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою,

И музы дань свою мнѣ принесутъ,

И вольный гений мнѣ поработится,

И добродѣтель, и бессонный трудъ

Смиренно будутъ ждать моей награды.

Я свисну — и ко мнѣ послушно, робко

Вползеть окровавленное злодѣйство

(И я, прибавимъ, не постѣнюсь его принять)

И руки будетъ мнѣ лизать, и мнѣ въ глаза глядѣть,

Въ нихъ знакъ моей читая воли..

И подь обаяніемъ этихъ стремленій все забываетъ чловѣкъ, забывшій вѣру Христову. Все эксплуатируется. Всѣ гражданскія доблести приносятся въ жертву своему я, единому Богу, неминуемо воздвизающемуся въ сердцѣ чловѣка, лишь только померкнетъ тамъ образъ Бога истиннаго...

Но забываетъ также, или даже не хочетъ знать чловѣкъ, что единая побѣда, побѣдившая міръ, есть вѣра наша; что никакое богатство не отвратитъ отъ чловѣка тѣхъ золь, какими переполнена жизнь его. Укажите мѣсто на землѣ, помимо религіи Христовой и ея убѣжищъ, гдѣ былъ бы чловѣкъ счастливъ и спокоенъ душою! Въ раззолоченныхъ чертогахъ развѣ нѣтъ горя, развѣ нѣтъ томленія духа? О, сколько его! И можетъ быть, еще больше даже, нежели въ убогой хижинѣ! Думаемъ, что не посѣтуетъ на насъ, а даже и согласится съ нами великій поэтъ нашъ, если мы осмѣлимся воспользоваться его вдохновенными словами и, передѣлавши и дополнивши ихъ, употребимъ ихъ для выраженія нашей мысли. Тогда мы скажемъ:

О, еслибы всѣ слезы, потъ и кровь
Пролитые въ чертогахъ и въ лачугахъ,
Изъ нѣдръ земли всѣ выступили вдругъ.
То былъ бы вновь потопъ...

О, еслибы всѣ вздохи и рыданья,
Таимые и въ рубищахъ, и въ златѣ,
Сокрытые и въ жизни, и въ могилахъ,
Вдругъ превратились въ вѣтръ и облака,
То солнце бы затмилось на вѣки,
А вихорь всю бы землю разорвалъ!...

Может ли при такомъ положеніи дѣла хоть что ли-
бо утѣшить человѣка, помочь ему? Что найдетъ онъ во-
кругъ себя неизбежнаго и непреложнаго, кромѣ вѣры свя-
той, единственно обуславливающей собою честное веденіе
всякой его дѣятельности и возвышеніе надъ жаждою бо-
гатства земнаго для богатства небеснаго. Непреложно одно,
что и богатство не наполнить души, что и богатый стра-
даетъ и плачетъ на землѣ и томится духовно нарав-
нѣ съ нищимъ и даже, мож. быть, болѣе нищаго; ибо по-
мимо всякихъ общихъ земныхъ томленій духа, если этотъ
духъ высокъ и развитъ, у него прибавляется мучитель-
ное сознаніе грустнаго противорѣчія между неудовлетворен-
ной его душою и блестящей его обстановкою... Непрелож-
но, затѣмъ, сознаніе того, что и всѣ бѣды и все счастье
человѣка на землѣ не долги и не долги; что дніе лѣтъ на-
шихъ, какъ сказалъ Давидъ — семьдесятъ лѣтъ, аще же
въ силахъ — осмьдесятъ лѣтъ. А что больше этого, то
уже не жизнь, а трудъ и болѣзнь. Да и изъ этихъ осмь-
мидесяти — лѣтъ полная зрѣлость и трезвость ума толь-
ко при особенно облагодатствованномъ состояніи души про-
стирается за восемьдесятъ лѣтъ и даже свѣтлѣетъ здѣсь,
даже достигаетъ прозорливости, какъ видимъ мы это въ
нашихъ св. инокахъ, пустынникахъ, подвижникахъ, побѣ-
дившихъ тѣло и возвысившихъ духъ свой до святости, до
богоподобія. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ полная крѣ-
пость тѣла и духа, слѣдов. полное владычественное отно-
шеніе къ земнымъ бѣдамъ и благамъ обнимаетъ — много
много — если тридцать лѣтъ, т. е. отъ 20 лѣтняго воз-
раста и до 50 лѣтъ; ибо прежде 20 л. мы не встрѣтимъ

въ человѣкѣ надлежащаго пониманія благъ и золъ земныхъ, а послѣ 50 лѣтъ эти блага далеко теряютъ уже свою привлекательность, а эти бѣды не возмущаютъ уже въ надлежащей мѣрѣ и степени усталую душу человѣка. А дальше этого предѣла... Разсмотримъ пристальнѣе и увидимъ, что тамъ дальше. И на этомъ моментѣ рядъ картинъ великихъ и поучительныхъ возстанетъ передъ нами.

Вотъ проходятъ эти восемьдесятъ лѣтъ, даже сто, пожалуй — все будетъ каплей единою въ необъятномъ океанѣ вѣчности — и житейская сцена радикально мѣняется: наступаетъ трудъ и бользнь — дряхлая старость. Всюду, всюду въ сущности, одинакова она — и въ лохмотьяхъ убогихъ, и въ драгоцѣнномъ бархатѣ. Потускнѣли очи, удивившіяся, что не на что уже смотрѣть имъ; что не видали и не увидятъ они на землѣ искомой истины. Потускнѣли эти очи, уставшія отъ созерцанья больше лишъ скорбей и потерь земныхъ, отъ слезъ цѣложизненныхъ; сотрясаются руки, изнемогшія въ постоянной борьбѣ, защищаясь отъ зла и коварства; ослабѣли ноги подъ бременемъ годовъ, вытягченныхъ больше бѣдствіями, чѣмъ радостями, и поникшая голова, вся заметенная снѣгомъ сѣдины, устало клонится къ землѣ, какъ бы всматриваясь въ раскрывающуюся понемногу таинственно-ужасную дверь могилы... И умнѣйшій, и ученѣйшій, и счастливѣйшій равенъ здѣсь съ послѣднимъ простенкомъ и несчастливцемъ въ этотъ моментъ, гдѣ, безъ религіи Христовой, тьма непроглядная покрываетъ всякую мудрость и всякую силу, и стоитъ только передъ умственнымъ взоромъ горькое несчастье

уничтоженія, да узкое пространство гроба, затворяющаго самый сильный умъ, самую непреклонную волю.. Да и зачѣмъ здѣсь, на что мнѣ этотъ умъ, изсчитавшій, допустимъ, всѣ звѣзды, уразумѣвшій всѣ силы вселенной — на что онъ, когда стоитъ передо мной

Вся эта тьма безъ темноты,

Вся эта бездна пустоты

Безъ протяженья и границъ,

Всѣ эти образы безъ лицъ,

Весь этотъ темный, страшный міръ

Безъ мрака, свѣта и свѣтиль,

Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,

Безъ радостей, безъ золь и бѣдъ?

И чувствуешь, что миллионы миллионовъ телескоповъ, уже изобрѣтенныхъ и еще имѣющихъ изобрѣстись, не видѣли и не увидятъ никогда ни одного даже туманнаго пятна въ этомъ загадочномъ пространствѣ. Гдѣ эта сильная воля моя, и на что она мнѣ, когда что-то страшное, неотразимое, уничтожающее идетъ мнѣ въ очи, и, насколько я владѣю собой, я рѣшился бы самого себя и собственными руками истерзать и измучить, лишь бы, хотя измученнымъ остаться здѣсь, гдѣ хоть и горько, но такъ мнѣ все знакомо, гдѣ я хозяинъ, гдѣ такъ отрадно мнѣ самое сознаніе бытія! А тамъ.. о, какое страшное, безповоротное сомнѣнье: буду или уничтожусь?

Гдѣ здѣсь, и на что они, эти могучія матерьяльныя блага земныя, когда кто-то (не буду я и знать, кто) дастъ мнѣ лишь четыре доски сосновыя, чтобы опираться то страшное и ужасное, и жалкое, и ничтожное, во что пре-

вращуся я; да и это дастъ мнѣ онъ, только благодаря опять таки обычаю, внушенному вѣрой святою, ожидающею будущаго возстанія моего изъ мрака и праха могилы; а безъ этого не даль бы: химически безслѣдно уничтожилъ бы меня вовсе, покоряясь безвѣрной страшиливости за свое здоровье...

А въ концѣ концовъ всетаки признаю я въ себѣ бытіе, неуничтожимое никакими химическими процессами (которые не уничтожатъ даже тѣла моего, а соблюдутъ въ общемъ круговоротъ вселенной каждый его атомъ до будущаго и окончательнаго рѣшенія не рѣшенной на землѣ судьбы моей); признаю бытіе какой то другой жизни, и не могу не признать этой жизни, очевиднаго присутствія во мнѣ духа: не могу не признать его. Ибо какъ ни ухищрялся я всю жизнь мою низводить этотъ духъ, эту высшую жизнь во мнѣ, на степень матеріи, какъ ни объяснялъ его дѣятельность то различнымъ составомъ и содержаніемъ вещества въ мозгу моемъ, то плотностью строенія этого мозга, но вотъ пришелъ неотразимый конецъ всему мозгу моему и я твердо знаю, собственными убѣдившись изслѣдованіями что частицы этого мозга какъ и всего тѣла моего всѣ до послѣдняго атома измѣнились черезъ каждые 7 лѣтъ, слѣдов. разъ десять измѣнились уже безъ слѣда и остатка; а между тѣмъ вся-то, вся жизнь моя возстаетъ предо мною, вся цѣликомъ, начиная съ перваго пробужденія сознанія и до настоящаго роковаго момента расплаты; возстаетъ со всѣми мельчайшими подробностями, со всѣмъ, яже содѣяхъ — или блага, или зла!... А эти ожидаемыя страшныя земляныя стѣны могилы; это холодное дно ея,

насквозь пропитанное слезами людскими; этот глухой шумъ земли, бьющейся о крышку, прикрывающую страшный, леденящій сердце процессъ уничтоженія того, что такъ нѣжилъ и берегъ я — тѣла моего! .. Зачѣмъ же жилъ я? Зачѣмъ мыслилъ? зачѣмъ — особенно — страдалъ иногда такъ тяжело, безысходно? Къ чему пришелъ наконецъ и какой смыслъ былъ пути моего?

Что же нужно человѣку для сознательной борьбы житейской, для сознательной встрѣчи конца ея, для утѣшенія и ободренія въ этотъ моментъ и великій, и ужасный, и загадочный?

Нуженъ Господь Богъ истинный, нуженъ Христосъ Спаситель, Его сила, Его утѣшеніе и въ Тайнахъ святыхъ дарованная Имъ поддержка. Нужно твердое и ясное какъ день, свѣтлымъ, трезвящимся и въ минуты полного тѣлеснаго одряхлѣнія умомъ сознаваемое убѣжденіе въ томъ, что вся задача бытія дѣйствительно ужасна и необъяснима, и способна привести человѣка въ полное отчаяніе, но только тогда, когда положить, что кромѣ земли съ ея ничтожными волненіями, съ ея лютыми скорбями и неправдами, уже нѣтъ иного удѣла, нѣтъ иного значенія и назначенія въ существованіи человѣка. Тогда только и явится, въ виду конца этого, цѣложизненное забвеніе себя и своихъ личныхъ интересовъ; явится поддерживающая и ободряющая связь съ тѣми, которыхъ было много и много еще задолго до насъ; которыхъ, по ихъ тѣлесной и духовной чистотѣ, по ихъ вдумчивости великой въ явленія міра, по ихъ высотѣ въ борьбѣ съ собою, не бѣ достоинъ весь міръ, и которые, не смотря на эти высочайшія свои досто-

инства, страданіемъ и ранами искушеніе пріяша, каменіемъ побіени быша, претрени быша, искушени быша, всю жизнь гоними быша, проидоша въ милотехъ и въ козїихъ кожахъ, въ пустыняхъ скитающесе, въ горахъ и въ вертепахъ, и въ пронастехъ земныхъ, и умроша, не приѣмше избавленія... И всетаки видѣли великій смыслъ въ своей жизни и въ своихъ страданьяхъ — тотъ смыслъ, что Богъ лучшее о нихъ предусмотрѣлъ нѣчто и, какъ зерно хлѣбное, сѣяли они себя или, лучше, Богъ сѣялъ ихъ въ безславїи и разрушенїи, чтобы возставить ихъ въ величїи и славїї!...

Только подъ вліяніемъ этой мысли, этой святой увѣренности и можетъ жить человѣкъ, не унывая въ скорби, хотя бы по земному мнѣнію онъ былъ и несчастенъ, и бѣденъ и безславенъ. Подъ вліяніемъ этой вѣры, онъ способенъ даже радоваться въ этихъ бѣдствїяхъ своихъ, ибо смыслъ ихъ — очищеніе духа и возвышеніе его надъ землею, и смыслъ этотъ ясенъ для него при свѣтѣ вѣры святой, просвѣщающей всякаго человѣка, просвѣщающей въ томъ, между прочимъ, смыслъ, что она открываетъ ему всю цѣль и всѣ задачи его земного скитальчества. «Да святится Имя Твое; да воцарится на землѣ воля Твоя!» — Вотъ слово, которымъ и въ печали и въ радости истинный Христїанинъ встрѣчаетъ и провожаетъ каждый день свой.

И достигши предѣла своей жизни, совершивъ свои семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ — осмьдесятъ лѣтъ, подводя итогъ всѣмъ великимъ и малымъ жизненнымъ

тревогамъ, убѣждается Христіанинъ, что нигдѣ не встрѣчалъ онъ желанной истины, кромѣ вѣры святой; не встрѣчалъ нигдѣ отрады сердцу, кромѣ Св. Храма Божія. Не было нигдѣ на землѣ иного мѣста, гдѣ такъ ровно и радушно всегда принять бывалъ онъ, независимо отъ того, въ порфирѣ ли и виссонѣ являлся, или въ раздранномъ рубищѣ. Этотъ храмъ, сооруженный вѣрою, одинъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ былъ принять человекъ и въ худородности равно, какъ и въ величіи; принять былъ въ несчастіи, на ряду съ счастливыми и, можетъ быть, лучше даже, нежели они были приняты. Здѣсь всегда безъ мзды и платы предлагалась каждому вечера тайная, вечера духовная, Пасха Господня, данная и бѣдняку въ даръ, и слабому безъ усилій; здѣсь имя каждаго и скорби его прямо передавались въ руки Подвигоположника скорбей и радостей; сюда, какъ милый сынъ, какъ безпредѣльно любимое чадо, радушно и милосердо призывался онъ, не опасаясь встрѣтить тѣни зла, оскорбленія, укора; здѣсь промахи и проступки его, легкомысленныя дѣла его, всюду принимавшіяся съ злорадствомъ, ко вреду его — здѣсь только могли быть безвозвратно забыты, покрываясь единымъ словомъ: иди и не согрѣшай ктому!.. Здѣсь въ величественныхъ мотивахъ неземной пѣсни рокотали надъ нимъ звуки иного, лучшаго, зовущаго къ себѣ міра, и въ ихъ чудныхъ волнахъ тонули всѣ страсти, всѣ горести, всѣ невзгоды земныя. . .

И чувствуетъ онъ, что и тогда, когда падетъ онъ бездыханный и безгласный, сюда же принесенъ онъ будетъ въ послѣдней колыбели своей, и сольются здѣсь

надъ тѣломъ его недвижимымъ соединенныя братскія молитвы всѣхъ тѣхъ, лики которыхъ привѣтно такъ смотрѣли на него, живого, со стѣнъ святыхъ и которые, какъ и онъ же, страданіемъ и ранами искушеніе пріиша, лишени, скорбяще, озлоблени, плачуще, не пріемше на землѣ избавленія.

Подъ вліяніемъ этой увѣренности пріидеть онъ, уже согбенный, дряхлый и безсильный, когда исхнетъ яко скудель крѣпость его, пріидеть въ храмъ святой, въ сонмъ этихъ милыхъ братьевъ небесныхъ, стоящихъ предъ престоломъ общаго Отца милосердаго.

На икону взоръ уставишь,

Охая, кряхтя,

И за скорби Бога славить

Божіе дитя!

И просить себѣ у Господа кончины безболѣзненной, непостыдной, мирной; не такой кончины, опьяненной отчаяніемъ, какой ищетъ современный умъ, вѣрующій лишь въ безцѣльность бытія своего, а такой кончины, встрѣчая которую, онъ, какъ существо мыслящее, живущее духовно, могъ бы подвести итогъ всѣхъ дней своихъ, могъ бы оцѣнить и то, что оставляетъ здѣсь, и свѣтлымъ взоромъ смыслъ великій усматривая въ здѣшней жизни своей, совершить переходъ свой въ жизнь иную. Ибо сознать скончанное теченіе свое, сознать неизбѣжное разрушеніе тѣла и освобожденіе духа есть сладкій удѣлъ, даруемый только христіанину. Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздасть мнѣ въ день онъ Праведный Судія....

А вотъ и кончина эта, этотъ послѣдній расчетъ съ жизнью христіанина и по христіански. Войдемте въ эту тихую храмину — убожище христіанина, христіанина въ полномъ смыслѣ этого слова, который незримо для міра ходилъ предъ Богомъ во все дни живота своего, который видѣлъ Его повсюду, начиная отъ милостивыхъ лепестковъ былинки полевой и до громады солнца, этого могучаго образа Божіей силы. Войдемте въ эту храмину, — все равно, гдѣ бы ни была она — въ чертогахъ ли пышныхъ или въ убогой хижинѣ — все равно; ибо въ этомъ моментѣ, который будемъ наблюдать мы, какъ сказано уже, исчезаетъ всякое различіе земныхъ положеній. Вотъ лежитъ онъ, сознательно, безболѣзненно, неостыдно, мирно приблизившійся къ послѣднему удару сердца, этого маятника жизненныхъ часовъ его. Вокругъ одра, при тускломъ мерцаніи свѣчь предыконныхъ, какъ бы изображающихъ угасающую жизнь и горящее въ рою сердце, собрались присутствовать знаменіи и друзи, собралась семья — все равно — своя ли, имъ облагодѣтельствованная, или чужая, его облагодѣтельствовавшая, призрѣвшая его во имя Христова — все равно въ этотъ моментъ, когда прекращается всякое родство плотское, и человѣкъ готовится быть тѣмъ, чѣмъ ангели на небеси суть... Напутствованный св. Тайнами, пріявши Тѣло и Кровь Христа, какъ залогъ очищенія и освященія начинающей истинное бытіе свое души своей, съ небесною кротостію смотритъ онъ вокругъ просвѣтлѣвшимъ передъ кончиною взоромъ своимъ. Благословеніе отца, друга и брата уже отдалъ онъ всему окружающему, съ миромъ уходя въ страну далекую, лучшую...

И чувствуя, что минуты его уже сочтены, онъ видитъ, что не принадлежитъ уже міру. И далеко-далеко, словно подъ ногами гдѣ-то, осѣлъ теперь внизъ этотъ тяжелый міръ земной; разомкнулъ свои объятія этотъ міръ холодный и непривѣтливый, и не имѣющій смысла самъ по себѣ, теплый и радостный подъ лучами признанія Господа... Вся жизнь, всѣ ея малыя и великія тревоги, масса скорбей и печалей и ничтожныя, словно крапинки золота въ сѣромъ гранитѣ, радости проходятъ предъ умственнымъ взоромъ въ эти минуты конца. Кончается тревожная качка на этомъ морѣ, рѣдко-рѣдко воздвизавшемся радостями, а по большей части — все печалей бурей! И какъ же ничтожны всѣ тревоги эти передъ величіемъ того отдыха, какой теперь наступаетъ!...

Чувствуя надъ собою тихое крыло своего Хранителя — Ангела, крѣпко-крѣпко прижимаетъ крестноносецъ земной къ устамъ своимъ изображеніе Господа Распятаго, и, какъ бы желая, пока живъ, насладиться самыми звуками спасительнаго Имени, онъ шепчетъ это великое Имя: Спаситель мой! Радость моя! Надежда моя! Услава всѣхъ горестей моихъ, во Твое имя перенесенныхъ; вѣнецъ скудныхъ радостей моихъ, Тобою только осмысленныхъ! Наконецъ-то я дождался Тебя! Наконецъ-то, окидывая взоромъ все прошедшее, вижу, что только въ Тебѣ и свѣтъ, и истина, и жизнь! И не страшна мнѣ смерть, ибо Ты, напоившій все для меня, стоишь теперь за нею, и она есть исполненіе воли Твоей.

Твоей то волѣ нужно было,
Чтобъ смертну муку преходило

Мое безсмертно бытіе;
Чтобы мой духъ, землей томился,
И чтобы чрезъ смерть я возвратился,
Отець, въ безсмертіе Твое!

Что же это за различіе несовмѣстимое между двумя видами одного и того же акта — смерти? Почему такъ страшна, такъ невыразимо бессмысленна она въ одномъ случаѣ, и такъ сладка, такъ отрадна она въ другомъ? Различіе это дѣлаетъ религія Христова. Она одна можетъ усладить для человѣка всякое горчайшее горе его жизни, такое горе, въ которомъ сердце, словно сдавленное желѣзомъ каленымъ, готово разорваться на части, когда все уже — Богъ вѣсть, иногда, за что — оставлять тебя одного въ мірѣ и когда единственное свѣтлое, влекущее къ себѣ пятнышко на мрачномъ фонѣ невзгодъ земныхъ останется для тебя тихая лампада предъ иконою Искупителя, изнемогающаго подъ вѣнцомъ терновымъ. Она одна, религія эта святая, создавшаяся и завершившаяся подъ вѣнцомъ терновымъ, способна безъ боли провести человѣка, по какому бы тернистому пути ни пришлось идти ему... Она одна, набоицеъ, освѣщаетъ и уясняетъ человѣку для всѣхъ одинаково темный, непонятный, для всѣхъ одинаково загадочный актъ — смерть. И ученый и неученый, и умный и глупый, и богатый и бѣдный, счастливый и несчастный одинаково трепещутъ предъ этимъ актомъ; одинъ только христіанинъ съ успокоеніемъ, упованіемъ и даже любовью смотритъ на блѣдныя ланиты смерти, освѣщенныя для него радостнымъ свѣтомъ ученія Христова: Живу Азь, и вы живи будете!

Но все, что сихъ поръ сказалъ я о значеніи Христо-
вой вѣры для человѣка, относилось къ тѣмъ случаямъ
его жизни, когда жизнь эта течетъ правильно и оканчи-
вается естественно; когда человѣкъ отжилъ уже, уже со-
старѣлся, потерялъ уже привязанность къ міру и въ нѣ-
которыхъ, весьма рѣдкихъ, впрочемъ, случаяхъ, сталъ
равнодушенъ уже и къ себѣ самому. Но бываютъ случаи
въ жизни человѣка, когда обстоятельства вѣшнія грозятъ
прервать его жизнь въ возрастѣ юномъ, цвѣтущемъ и
отрадномъ, когда жизнь бываетъ особенно сладкою и ми-
лою, а смерть представляется еще страшнѣе, и одна мысль
о ней леденитъ юное сердце. А такихъ случаевъ исторія
Христіанства не мало представляетъ. . . Перенесемтесь, по-
этому, мыслию своею въ то отдаленное время жизни хри-
стіанъ, въ то страшное время, когда религія Христова еще
не успѣла покорить себѣ міръ, когда міръ этотъ неистово
гналъ ее, и достаточно было только назваться христіани-
номъ, чтобы испытать самыя страшныя муки и самую
лютую смерть. Пойдемте мыслию въ римскій коллизей, къ
этой пропитанной кровью аренѣ, за нѣсколько минутъ до
начала игрищъ, кровавыхъ потѣхъ кровожадно-безмыслен-
ной черни. Вотъ сотни тысячъ зрителей уже сидятъ на
мѣстахъ; вотъ пришелъ уже и Неронъ — повелитель Ри-
ма, и вся масса народа, гулко поднявшись съ мѣсть сво-
ихъ восемьдесятъ разъ при звукахъ трубъ прокричала
ему «да здравствуетъ цезарь» и назвала его богоподобнымъ
и богоравнымъ. Вотъ все утихло и, по мановенію руки
Нерона, внизу, на аренѣ, началась бойня. Гладіаторы
бьются съ звѣрями, бьются другъ съ другомъ. Льетса

человѣческая кровь, трещать кости, страшные крики проклятій слышатся изъ устъ бойцовъ, терзающихъ другъ друга для потѣхи народной. Скрежеща зубами, проклиная цезаря, и все въ мірѣ, издыхаютъ разъяренные чело- вѣкообразныя чудовища, и опьяняющій паръ крови стоитъ въ воздухѣ. Но вотъ поданъ новый знакъ. Служители цирка раскаленными прутьями загоняютъ насытившихся звѣрей въ ихъ помѣщенія, а въ другихъ клѣткахъ, вверху арены, ревуть и стонутъ другіе звѣри, еще болѣе свирѣпыя и приготовленные для конечной потѣхи—травли христіанъ... Они не кормлены цѣлыя сутки, чтобы были свирѣпѣе. Доведенные до бѣшенства видомъ и запахомъ крови, потрясая землю рыканьемъ, они грызутъ желѣзо клѣтокъ, сѣкая своими пересохшими пастьями. И отворяются въ эту минуту одни изъ воротъ на арену и вышелъ оттуда сонмъ людей... Неужто и это бойцы? Ни костюмъ, ни видъ ихъ кроткій, ни устремленный къ небу сіяющій взоръ ихъ не походятъ на видъ людей, намѣревающихся дорого продать жизнь свою. Впереди видимъ даже юныхъ дѣвъ, цвѣтущихъ красотою. Вотъ онѣ, эти юныя подвижницы, всѣ въ одинаковыхъ бѣлыхъ хитонахъ, съ крестомъ на груди, съ цвѣтами и свѣчами въ рукахъ... Истомленные пытками, измученныя голодомъ, глядятъ онѣ на народную массу... Пожрите богамъ нашимъ! гремитъ имъ сверху голосъ герольда: и жизнь, и почести, и сердца знатныхъ юношей римскихъ будутъ вамъ наградою!... Нѣтъ ни еди- наго отвѣта... Что же за сила, спросимъ теперь, толкаетъ ихъ на зубы звѣрей, на муки страшныя, презирая эти лестныя обѣщанія? Фанатизмъ, скажетъ невѣрующій...

Удержись, современная намъ буесть! Не кощунствуй надъ великою минутой сознательной смерти юнаго непорочнаго отсутствія... Фанатизмъ умираетъ съ проклятьемъ и злобой, и адъ не съ молитвой и благоговѣніемъ... Смотри на арену. Вотъ схватились онѣ, рыдая и прижимая другъ друга къ сердцу, и въ отвѣтъ на всѣ вопросы наши поднялось съ арены тихое неземное пѣніе: «Тебе, Бога, хвалимъ, Тебе, Господа, исповѣдуемъ, Тебе, Превѣчнаго Отца, вся земля величаетъ!...» Загремяло желѣзо влѣтокъ, Прибнулся неустойчивый какой-то вихрь косматыхъ чудовищъ, и алая кровь, словно огонь любви божественной, загорѣлась на бѣлыхъ хитонахъ... Вотъ и отвѣтъ намъ на наши вопросы. Вотъ гдѣ та могучая сила, которая поддерживала и подкрѣпляла ихъ въ то время, когда мучители дѣржали и жгли ихъ тѣло, томили ихъ въ омрачныхъ темницахъ. Эта сила была любовь ко Христу, было сознание того, что никакія страданья земныя не могутъ осилить безсмертнаго духа въ его высочайшихъ стремленьяхъ къ Богу, первоисточнику своей жизни и своего величія. Вотъ какое великое дѣло есть наша Христіанская религія. Она, по слову Апостола, есть побѣда, побѣдившая міръ... И вотъ, на этомъ пунктѣ, мы встрѣчаемся теперь съ величайшимъ вопросомъ нашего времени: что будетъ, что можетъ быть съ человѣчествомъ, еслибы религія Христова (допустимъ невозможное) совсѣмъ угасла на землѣ? Спросимъ астрономовъ: возможна ли хотя мысль о томъ, что или будъ живущемъ на землѣ, если угаснетъ солнце на небѣ? А переходя отсюда къ міру духовному, имѣющему свое солнце, спросимъ самихъ себя: возможна ли хотя тѣнь

мысли о людскомъ благосостояніи, еслибы окончательно и безвозвратно оставилъ душу человѣческую свѣтъ Солнца Праведнаго, — ученіе Сына Божія. И какъ нельзя помыслить безъ ужаса о томъ абсолютномъ холодѣ и омертвеніи, какія настали бы съ уничтоженіемъ физическаго солнца, такъ невозможно безъ ужаса еще большаго вообразить себѣ, какой адъ насталъ бы на землѣ среди людей, если бы изсякла въ нихъ вѣра въ Бога, надежда на Него, любовь къ Нему. Это былъ бы такой адъ, который современному человѣчеству, хотя и ослабившему въ себѣ чуткость къ внушеніямъ религіи, но еще не вовсе утратившему ее, едвали можно представить себѣ. Въ самомъ дѣлѣ: пусть, положи руку на сердце, скажетъ каждый изъ насъ: можно ли представить въ человѣкѣ хотя одну какую либо истинную, возвышенную доблесть, какую либо духовность, какую либо силу безъ Христовой религіи? Что способно внѣ вѣры святой обуздать человѣка, если задумаетъ онъ броситься въ бездну порока? Что способно удержать человѣка отъ нарушенія какого угодно семейнаго, общественнаго, государственнаго, международнаго постановленія, какъ не вѣра Христова, какъ не образъ Того, кто заповѣдалъ человѣку видѣть Божій образъ и въ себѣ самомъ, и въ ближнемъ своемъ: Будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть и — понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Миѣ сотвористе?.. Скажетъ кто либо, что удержитъ человѣка его умственное развитіе и чувство собственнаго достоинства; но въ злохудожную душу не видетъ премудрость истинная; да и видѣли мы уже жалкость безвѣрнаго разума. А объ этомъ достоин-

ствѣ смѣшно и говорить, когда уже и теперь, въ единицахъ, правда, мы видимъ полнѣйшее удовольствіе при мысли, что человѣкъ есть усовершенствованное животное. Скажетъ кто либо — общественное мнѣніе; но не говоря уже о его измѣчивости, непостоянствѣ, условности, — о его высотѣ странно и думать въ то время, когда разнузданы единицы, составляющія общество... Скажетъ кто либо: кара закона; но, при отрѣшеніи отъ религіи, самъ законъ, во первыхъ, будетъ безпочвенъ и удобошатаемъ, а во вторыхъ, онъ будетъ всегда только виѣшнею уздою, укрѣпы которой не проникнуть никогда въ глубину извѣ, въ душу безбожную.

И не увидимъ мы никогда и нигдѣ въ цѣлой новой исторіи человѣчества, чтобы при упадкѣ вѣры святой созидалось счастье человѣка, а тѣмъ болѣе — человѣчества.

И я не могу удержаться, чтобы не выписать при этомъ знаменательныхъ для нашего времени вопросовъ одной иностранной даже газеты.*) И ими заключу мою бесѣду съ Вами м. м. г. г. и г. ни.

Вырветъ ли, вопрошаетъ эта газета, вырветъ ли невѣріе человѣка изъ колей порока и сдѣлаетъ ли чистою запятнанную жизнь? Отстранить ли оно пьяницу отъ его страсти и развратника отъ его вожделѣній? Превратить ли оно въ человѣкѣ задатки грубости и пошлости въ чувства вѣрнаго мужа и любвеобильнаго отца? Проникнетъ ли невѣріе въ языческія страны, въ среду народовъ невѣжественныхъ, съ цѣлью вести ихъ какъ братьевъ, къ свѣту и истинѣ? Да и къ какому свѣту, къ какой исти-

*) Перепечатанныхъ въ свое время и русскими. См. напр. Ц. Общ. Вѣсти 1885 г.

нѣ поведеть оно ихъ само для себя будучи тьмою и загадкою? Укажетъ ли невѣріе во всей исторіи своей образцы нравственныхъ побѣдъ, подобныхъ тѣмъ, какія одержали исповѣдники, миссіонеры Христа, своею вѣрою, трудомъ и мужествомъ? Пойдетъ ли невѣріе подъ кровлю страдальца, внесетъ ли лучъ утѣшенія въ душу его? Да и какое утѣшеніе дастъ оно кому либо, будучи само безотрадно и безмысленно?

Словомъ — прибавимъ мы отъ себя — безотраднѣ той участи, какая готовится человечеству подъ мрачнымъ крыломъ невѣрія невозможно ничего представить себѣ!....

. П. Смирновъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Вышла и продается новая книга, изданная редакціей журнала «Странникъ»:

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИННОКЕНТІИ,

архіеп. Херсонскомъ и Таврическомъ.

И. У. Палимпсестова.

С.-Петербургъ, 1888 года

Содержаніе ея: I. Отличительная черта доброжелательности Иннокентія. — Князь М. С. Воронцовъ приглашаетъ Иннокентія въ Алуинку на 5-е сентября — день имения княгини — и присылаетъ за нимъ парходъ. — Государственный умъ князя. — Иннокентій беретъ меня съ собою. — Самъ отправляется сухимъ путемъ. — На морѣ страшная буря. — Въ Ялтѣ разговоръ Иннокентія съ извѣстнымъ Фирко-

вичемъ о народностяхъ Крыма.—II. Наканунѣ Елизаветина дня.—Изыщество, какъ отличительная черта Иннокентія.—Припоминаютъ митрополитъ Филаретъ и архіепископы Гурій.—Нравоученіе.—Общая любовь къ князю М. С. Воронцову.—Удивительное умѣнье владѣть собою.—Панаги Иннокентія.—Завтракъ князя.—Прогулка Иннокентія по саду.—Его знанія растительности.—Виноградная ягода.—Слово Иннокентія въ день именинъ.—Его взглядъ на свободу совѣсти.—III. М. П. Погодинъ справедливо называетъ Иннокентія великимъ гражданиномъ русской земли.—Мнѣніе Иннокентія о кн. М. С. Воронцовѣ.—Раздѣленіе рода человѣческаго на языки.—Взглядъ Иннокентія на югъ Россіи, на западный край и остзейскій.—Русскія задачи.—Магометанство въ Россіи.—Многое изъ предложеній и желаній Иннокентія сбывается.—Почему мы мало цѣнимъ замѣчательныхъ лицъ при жизни ихъ.—Заключеніе этой главы.—IV. Выѣздъ изъ Алушки.—Массандра.—Газели.—Моисей и геологи.—Злословіе.—Аюдагъ и мысли Иннокентія о водныхъ тѣкахъ.—Ночлегъ въ Алуштѣ.—Крымскія горы на дачѣ Иннокентія.—Путешествіе къ Косьмодемьяновскому источнику.—Природа этого урочища по Иннокентію.—Святѣи Крыма, возстановляемія Иннокентіемъ.—Состояніе ихъ въ настоящее время.—Что думала и думаетъ толпа извѣстнаго направленія объ Иннокентіи, какъ возстановителѣ святѣи Крыма.—V. Побужденія для Иннокентія къ усиленію православія на югѣ Россіи и частиѣ въ Крыму.—Достойнѣйшіе преемники Иннокентія—архіепископы Димитрій и Гурій.—Труды послѣдняго въ Таврической епархіи.—Памятники этихъ архипастыремъ.—Мысль объ увѣковѣченіи памяти Иннокентія въ Крыму.—Молебень при Космодамьяновскомъ источникѣ.—Путешествіе на Чатырдагъ.—Иннокентій одинъ на вершинѣ этой горы.—Напутствіе.—Видѣнія.—VI. Иннокентій беретъ меня въ степи и для наблюденія солнечнаго затмѣнія.—О протоіерей, профессоръ философіи, И. М. Скворцовъ.—Онъ ревізуетъ Херсонскую семинарію и отправляется съ нами въ Бобрынецъ.—Рекреаціи и экзамены при Иннокентіи.—Мысли, высказанныя Иннокентіемъ въ дорогѣ.—Аст-

рономъ А. Н. Савичъ — Диктованіе И. М. Скворцовымъ отчета о солнечномъ затмѣніи. — Прощаніе учителя и ученика. — Чумацкая дорога и ливень. — Обѣдъ у одной помѣщицы — Мнѣніе Иннокентія о бытности лѣсовъ на югѣ Россіи. — Теорія образования земли. — VII. Иннокентій въ имѣніи извѣстнаго лѣсовода и хозяина, В. П. скаржинскаго. — Мнѣніе его о важности лѣсной растительности для степей юга Россіи и значеніе въ этомъ дѣлѣ власти. — Взглядъ Иннокентія на крѣпостное право въ Россіи. — Задачи для государственной мудрости. — Значеніе для Россіи дворянства. — Совѣтъ Иннокентія редактору «Записокъ» Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. — Взглядъ на русскій языкъ и иноязычіе. — VIII. Кабинетъ Иннокентія. — Прекраснѣйшая душа о. архимандрита Паренія, въслѣдствіи архіепископа Иркутскаго. — Небольшой грѣшокъ за Иннокентіемъ и таковой же за другимъ архипастыремъ. — Иннокентій въ полномъ блескѣ своей учености предъ бывшими своими учениками — М. К. Павловскимъ и Г. Г. Михневичемъ, бесѣдая съ Д. Н. Стручковымъ. — Твердость воли Иннокентія. — Посѣщеніе имъ Крыма во время крымской войны. — Разговоръ его съ А. Г. Тройпицкимъ. — IX. Мнѣніи Иннокентія о графѣ А. Г. Строгановѣ. — Лакознимъ послѣдняго объ Иннокентіи. — Взглядъ Иннокентія на крымскую войну. — Его высокое мнѣніе о Государѣ Николаѣ Павловичѣ. — Школа дѣвицъ духовнаго званія на взглядъ Иннокентія. — X. Пресмники Иннокентія — архіепископы Димитрій и Гурій. — Сравненіе послѣднихъ между собою. — Дарованія и доброта Димитрія. — Императоръ Николай Павловичъ и о. ректоръ кievской духовной академіи, Димитрій. — Заключеніе.

Цѣна съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Выписывать можно по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, редакція журнала «Страникъ», Невскій, д. 167.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. I. Распоряженія Высшаго Начальства. II. Отъ Комитета по устройству празднованія исполнившагося 900 лѣтія со времени крещенія Св. равноапостольнаго В. К. Владиміра. III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. IV. Отъ Правленія Таврич Дух. Семинаріи. V. Отъ Тавр. Попечительства о'бъдныхъ. VI. Епархіальныя извѣстія. ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ. 1. Значеніе религіи Христовой въ жизни челоувѣка и челоувѣчества. 2. Объявленіе.

Дозволено цензурою. Симферополь, 1 Іюня 1888
года. Цензоръ, Священникъ *Іоаннъ Тяжеловъ*.

Редакторы: Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *І. Знаменскій*.

Секретарь Консисторіи *А. Гроздовъ*.

Печ. въ Таврич. Губериск. Типографіи.